

Деперсонализация как новая парадигма субъекта в постдисциплинарном обществе

Научный руководитель – Гиренок Фёдор Иванович

Журавлева Юлия Валерьевна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра философской антропологии, Москва, Россия

E-mail: jv.clinic@yandex.ru

В клиническом дискурсе деперсонализация определяется как синдром: нарушение чувственной достоверности переживания, отчуждение от собственного Я, ощущение «жизни как во сне», утрата чувства реальности происходящего. Она может входить в структуру тревожных, депрессивных, посттравматических расстройств, а также выступать в относительно автономной форме. Трансформируя клинический концепт в философскую оптику, можно мыслить деперсонализацию как феномен, раскрывающий фундаментальную трансформацию субъекта в современной культуре.

В классической феноменологии субъект мыслится как центр интенциональности, носитель переживаний, источник смысла. В опыте деперсонализации этот центр сохраняет формальную целостность — человек остаётся когнитивно ориентированным, способен к рефлексии, — но теряет аффективную укоренённость в мире. Возникает парадокс: сознание функционирует, но «присутствие» ослабевает. Субъект как бы наблюдает себя со стороны, превращаясь в зрителя собственной жизни, но это наблюдение сопровождается чувством утраты Я.

Современный теоретик социальной философии Бён-Чхоль Хан в своей работе «Общество усталости» описывает переход от дисциплинарного общества к постдисциплинарному, или обществу достижения, где субъект более не подавляется внешними запретами, а эксплуатирует себя сам [2]. Если человек дисциплинарной эпохи был фигурой «обязанного», то современный субъект — это фигура «способного», вынужденного постоянно реализовывать потенциал. Результатом становится депрессия.

Продолжая эту линию, можно утверждать: депрессия фиксирует энергетический крах субъекта, тогда как деперсонализация — структурный. Современный человек не только устал, он утратил чувство внутренней сопричастности себе. Он существует в режиме постоянной самопрезентации, самонаблюдения, цифровой репрезентации, а главное, сравнения/сличения себя с мозаичными метамоделями «других». Его Я оказывается распределённым между социальными ролями, экранами, профилями, аватарами, мерками эффективности. В этих условиях деперсонализация становится модусом человеческого бытия-в-мире.

В начале XX века Фрейд описывал истерию как универсальную форму невроза; эту форму можно соотнести с условиями дисциплинарного общества. Истерик был продуктом культуры запрета и вытеснения; его симптоматика выражала конфликт между желанием и нормой. Сегодня структура конфликта изменилась. Запрет уступил место требованию самореализации. Субъект больше не подавляется извне — он непрерывно должен производить себя. В этой логике деперсонализация выступает как «патологическая манифестация парадоксальной свободы»: симптом общества, где индивид перегружен необходимостью быть аутентичным, успешным, «осознанным».

Таким образом, если истерия была неврозом дисциплинарного порядка, то деперсонализация — патология постдисциплинарной эпохи. Её сопутствующими формами становятся нарциссизм и депрессия [1]. Нарциссизм выражает гипертрофию самонаблюдения и

зависимость от внешнего признания; депрессия — выгорание субъекта достижения; деперсонализация — утрату аффективной связности и чувства реального присутствия. Вместе они образуют новую конфигурацию субъектности.

Если принять эту гипотезу, философия психопатологии приобретает новую задачу: мыслить деперсонализацию как ключ к пониманию антропологии постдисциплинарного общества. Таким образом, деперсонализация может быть рассмотрена как новая парадигма субъекта — субъекта, который формально свободен, но экзистенциально дистанцирован от себя; субъекта, который функционирует, но не чувствует себя живым, испытывает кризис отчуждения собственной субъектности.

Источники и литература

- 1) Хан Б.-Ч. Агония Эроса. Любовь и желание в нарциссическом обществе. М.: АСТ, 2023
- 2) Хан Б.-Ч. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива. М.: АСТ, 2024